

Лара Читай

БЫВШИЕ

Всё начинается с любви

Лара Читай БЫВШИЕ. Всё начинается с любви

<https://litres.ru/74262514>

Аннотация

Я захотела — я взяла. А ты... ты просто не умеешь держать мужчин. Твоя музыка, твоя скромность, твои длинные юбки — это скучно, Настя. Мужчинам нужен огонь. А ты — вода. Тёплая, пресная, никому не нужная вода.

Она хотела не его — она хотела победу. Даже у своей новой «сестры» с её роялем, длинными юбками и ангельскими глазами.

Измена — это не приговор, а фильтр. Измена открыла мне глаза: он не герой. Истинный герой — тихий спасатель, который не обещает рай, но остаётся рядом в аду. Счастье достигается через боль, принятие и умение отпустить.

Содержание

Глава 1. Тишина	4
Глава 2. Чужой порог	13
Глава 3. Первая трещина	24
Глава 4. Чужие стены	32
Глава 5. Фальшивый аккорд	39
Глава 6. Грехопадение	46
Глава 7. Анастасия. Кошачьи игры	54
Глава 8. Анастасия. СМС	63
Глава 9. Анастасия. Последняя партия	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1. Тишина

Я всегда знала, что музыка умеет лечить.

Не та, что звучит из колонок в супермаркете. Не та, что играет в наушниках у подростков в метро. А настоящая — живая, дышащая, с неровными паузами и чуть заметным дрожанием струн, когда педаль отпускаешь слишком резко.

Вот такая музыка жила в нашем доме.

Папа говорил, что каждый инструмент имеет душу. Скрипка — капризная истеричка. Виолончель — мудрая старуха. А рояль — это целый оркестр, заключённый в чёрное дерево, большой, важный, слегка надменный, но, если найти к нему подход — он расскажет тебе всё, что знает о мире.

— А что он знает, папа? — спросила я в двенадцать лет, сидя на коленях у рояля.

— Всё, Настенька. Всё, что было. И всё, что будет.

Я тогда не поверила. А теперь, в свои двадцать два, я знала, что он был прав.

Рояль в нашей старой квартире на улице Чехова знал про меня буквально всё. Как я плакала в пятнадцать, когда мальчик из музыкальной школы разбил мне сердце. Как я смеялась, когда получила паспорт и мы с подружкой Катей сбежали на набережную есть мороженое. Как я по ночам, когда никто не видит, садилась играть тоску — тягучую, неправильную,

полную диссонансов, которая никуда не уходила, даже когда пальцы уставали.

Он знал про папину болезнь. Про то, как мама плакала на кухне, прижимая к груди телефонную трубку. Про то, как я не спала три ночи перед похоронами, потому что боялась, что, если усну — проснусь в мире, где отца больше нет.

Рояль знал всё.

И он молчал.

Потому что иногда молчание — это самое громкое, что может сказать инструмент.

Я проснулась в половине седьмого, как всегда. Будильник не нужен — организм привык вставать с солнцем. Потянулась, улыбнулась потолку (старая трещина, похожая на ветку дерева) и на цыпочках пошла в душ.

Мама ещё спала. Я слышала её дыхание — ровное, спокойное, без привычных последние три года ночных всхлипов. Ей становилось легче. Медленно, по миллиметру, но легче.

Я была за неё рада.

— Доброе утро, — шепнула я, проходя мимо её комнаты, и пошла к роялю.

Он стоял в гостиной. Мы никогда не называли эту комнату «залом» или «гостиной» — для нас это было «место, где стоит рояль». Мебель переставляли, обои меняли, шторы вешали новые, но рояль всегда был в центре. Чёрный, лакированный, с потёртыми от времени клавишами, на которых

сохранились отпечатки папиных пальцев.

Я села на табурет — старый, скрипучий, но родной. Провела руками по клавишам, не нажимая. Просто почувствовала.

— Привет, — сказала я инструменту. — Соскучился?

Он молчал. Но мне казалось, что он улыбается.

Я сыграла гамму до-мажор. Самую простую, самую чистую. Пальцы бежали по клавишам легко, без напряжения, как будто не я играла, а кто-то другой водил моими руками.

Потом — этюд Черни. Потом — маленькую прелюдию Баха, которую разучивала с первокурсниками на педагогической практике.

Я любила эту прелюдию. В ней была строгость, архитектура, математика чувств. Каждая нота стояла на своём месте, как солдаты в строю. Ничего лишнего. Ничего случайного.

Хотя в жизни всегда есть что-то случайное.

Я не знала тогда, что случайное уже стояло на пороге.

В девять часов пришло сообщение от Олега.

«Доброе утро, музыка. Как спалось?»

Олег. Мой Олег. Два года вместе, а я до сих пор замираю, когда вижу его имя на экране.

Он был не из моего мира. Совсем не из моего. Мой мир — это ноты, педальные переходы, педагогические методики и вечные разговоры о том, как привить детям любовь к классике. А его мир — цифры, сделки, переговоры, дорогие костюмы и запах денег, который я научилась различать, но так

и не привыкла к нему.

Он работал топ-менеджером в крупной логистической компании. Ему было двадцать пять — на три года старше меня — и он уже командовал людьми, которые были вдвое старше его самого.

Мама сначала отнеслась к нему настороженно.

— Слишком уверенный, — сказала она после первого знакомства. — Слишком быстрый. Он тебя съест, Настя.

— Не съест, — улыбнулась я. — Он меня любит.

— Любит? — мама покачала головой. — Ты уверена?

Я была уверена. Я была уверена так сильно, что готова была поклясться на нотах Шопена, на папиной дирижёрской палочке, на своей будущей педагогической лицензии.

Олег любил меня.

Он говорил это каждое утро. Каждый вечер. В перерывах между звонками, когда выкраивал минуту, чтобы написать: «Скучаю. Ты моя».

Он дарил цветы — не огромные пошлые букеты, которые дарят на восьмое марта, а скромные полевые ромашки в крафтовой бумаге. «Ты на них похожа», — говорил он.

Он слушал, как я играю. Часами. Даже когда не понимал музыки, даже когда я повторяла один и тот же пассаж в сотый раз, он сидел на диване, закрыв глаза, и улыбался.

— Ты моя музыка, — шептал он потом. — Вся моя жизнь — это тишина. И только ты наполняешь её звуками.

Я верила.

Я верила каждому слову.

В десять пришла мама.

Валентина Ивановна, сорок три года, вдова. Женщина, которая потеряла мужа, но не потеряла себя. Иногда мне казалось, что она держится только ради меня. А иногда я видела, как она смотрит на мужчин в очереди в супермаркете — быстро, украдкой, и тут же отводит глаза, словно делает что-то запретное.

Она заслуживала счастья. Я знала это. Я хотела для нее счастья, но мама почему-то не хотела счастья для себя.

— Настя, — она села напротив меня, на старый пуфик, который помнил ещё её свадьбу с папой. — Нам нужно поговорить.

Я перестала играть.

Голос мамы был странным. Не тревожным — другим. Каким-то... молодым. Словно она скинула лет десять.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего не случилось. — Она замолчала, покрутила в пальцах невидимую нитку. — Случилось, наверное. Я не знаю, как сказать.

— Мам, ты меня пугаешь.

— Не бойся. Ничего страшного. — Она глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду. — Я познакомилась с мужчиной.

Я замерла.

Нота застыла в воздухе — ещё не взятая, но уже прозвуч-

чавшая.

— С мужчиной? — переспросила я.

— С мужчиной. Его зовут Виктор. — Мама выдохнула и вдруг улыбнулась — по-девчоночьи, смущённо, с румянцем на щеках. — Он хороший, Настя. Он очень хороший. И он... он хочет с тобой познакомиться.

Мир не рухнул.

Я ожидала, что упаду в обморок, заплачу, закричу. Но нет. Я сидела за роялем, пальцы всё ещё лежали на клавишах, и я чувствовала, как инструмент гудит — глубоко, спокойно, успокаивающе.

— Расскажи о нём, — сказала я.

И мама рассказала.

Они встретились в парке. Она кормила голубей — глупая привычка, которая осталась с детства. Он сидел на скамейке и читал газету (настоящую, бумажную, представьте себе). Голуби налетели, она взмахнула руками, пакет с хлебом упал, и Виктор поднял его раньше, чем она успела нагнуться.

«Держите», — сказал он и улыбнулся.

И всё.

Как в дешёвом романе, как в фильме, который показывают по телевизору в три часа ночи.

Они разговорились. Оказалось, что он живёт неподалёку, работает в логистике (я внутренне напряглась — Олег тоже из логистики), вдовец, дочь — моя ровесница, которой он обожает, но которая «не понимает его потребности в новой

любви».

— Дочь зовут Оксана, — сказала мама. — Красивое имя, правда?

Оксана.

Имя прозвучало как резкий аккорд — не фальшивый, но неровный. Я не знала почему. Может быть, потому что оно начиналось на «О», как Олег. Может быть, потому что это имя было слишком ярким для нашей тихой жизни.

— Она не обрадуется, — сказала я.

— Кто? — мама не поняла.

— Дочь. Оксана. Тому, что у отца появилась женщина. И тем более — что у неё появится сводная сестра.

Мама опустила глаза:

— Виктор говорит, что она взрослая. Что поймёт.

— Мама, — я взяла её за руку. — Она ни за что не поймёт. Дети не понимают, когда родители пытаются заменить умерших. Я тебя прекрасно понимаю. Но она — нет. Не жди от неё радости.

Мама молчала.

— Но я не против, — добавила я. — Если ты счастлива — я не против.

— Правда? — она подняла на меня глаза, и в них стояли слёзы. — Ты правда не против?

— Правда.

Я обняла её. Она пахла старыми духами — «Красная Москва», которые папа дарил ей каждый год на день рожде-

ния. Этот запах смешивался с моей музыкой, с тишиной старой квартиры, с трещиной на потолке и с любовью, которая не умирает, даже когда умирают люди.

— Настя, — прошептала мама мне в плечо. — Он пригласил нас в гости. Сегодня вечером.

— Сегодня?

— Сегодня. Я понимаю, что рано. Но он так хотел познакомиться с тобой. Он говорит, что ты — главный человек в моей жизни, и без твоего благословения он не может.

— Благословения, — усмехнулась я. — Он что, из прошлого века?

— Он романтик, — улыбнулась мама.

Я отпустила её, повернулась к роялю и нажала на клавишу.

До-мажор.

Самая простая, самая чистая, самая светлая нота.

— Во сколько едем? — спросила я.

— В семь.

— Я буду готова.

Мама ушла, а я осталась в гостиной одна.

Пальцы сами забегали по клавишам — не гаммы, не этюды, не Бах. Что-то своё, новое, рождённое этим утром. Мелодия, в которой были мамина улыбка, память о папе, тревога о чужой дочери и любовь к Олегу, который сейчас, наверное, пил кофе в своём офисе и строил планы на вечер.

Я играла и думала.

О том, что жизнь меняется. Что она имеет право меняться. Что мама заслуживает счастья.

И о том, что я никогда не предаю свою любовь.

Никогда.

Я не знала тогда, что предательство идёт не от нас. Оно приходит извне — красивое, уверенное, улыбающееся. Оно носит чужое имя и пахнет дорогими духами.

Оно говорит «привет» и протягивает руку.

А ты жмёшь эту руку, потому что не знаешь ещё, что это — начало конца.

В семь часов я надела тёмно-синее платье, мама — свой лучший костюм, и мы вышли из дома.

Старая квартира на улице Чехова осталась позади.

Как и моя спокойная жизнь.

Я не знала этого.

Но рояль знал.

И молчал.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Хочк познакомить вас с моей новинкой

ПОПУТЧИКИ. В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

<https://litnet.com/shrt/-uKI>

Глава 2. Чужой порог

Мы ехали на такси.

Мама всю дорогу молчала и теребила край своей кофты — бежевой, мягкой, которую надевала всего два раза. Первый — на собеседование в музыкальную школу, где она работала методистом. Второй — сегодня.

Я смотрела в окно. Город привычно шумел, сверкал огнями, дышал выхлопными газами и весенней сыростью. Закатное солнце красило верхушки домов в розовый цвет, и на минуту мне показалось, что всё будет хорошо.

Глупая.

— Настя, — мама взяла меня за руку. — Ты не волнуйся.

— Это ты не волнуйся, — ответила я. — У тебя ладони мокрые.

Она вытерла руки о юбку и виновато улыбнулась.

— Боюсь, что ты его не примешь.

— Мама, я уже сказала: если ты счастлива — я не против.

— Дело не в этом. — Она замолчала, подбирая слова. — Виктор... он другой. Не такой, как папа. Он громкий, прямой, иногда резкий. Я боюсь, что ты сравнишь.

— Не буду.

— Сравнишь. Ты вся в отца. Ты тоже живёшь музыкой и тишиной.

Я не ответила, потому что она была права. Я действи-

тельно жила тишиной, но, может быть, мне не помешало бы немного шума? Немного той жизни, которую ведут нормальные люди — без вечных репетиций, без экзаменов, без разговоров о педагогических методиках?

Может быть, Виктор станет для мамы тем самым глотком свежего воздуха, который ей нужен.

А для меня — ну, для меня просто очередной человек.

Я ошибалась. По всем пунктам.

Квартира Виктора оказалась в центре.

Не просто «в центре» — в самом сердце города, в старинном доме с лепниной на фасаде и массивной дубовой дверью, за которой открывалась парадная с мраморным полом и запахом дорогого воска.

Мы поднялись на лифте — бесшумном, зеркальном, с кожаными поручнями. Я никогда не ездила в таких лифтах. В нашем доме на Чехова лифт пах капустой и скрипел так, будто умирал.

— Пятый этаж, — сказала мама, и голос у неё дрожал.

Дверь открылась, не успела она позвонить.

На пороге стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. Волосы тёмные, с благородной сединой на висках, аккуратно зачёсаны назад. Костюм — дорогой, явно с иголочки, но галстук ослаблен, как будто он ждал нас в домашней расслабленности и только что затянул узел.

Виктор.

Я сразу поняла, почему мама в него влюбилась. От него исходила сила — та самая, которую в книгах называют «харизмой». Не показная, не агрессивная, а спокойная, уверенная, как у человека, который привык, что его слушают.

— Валентина, — он шагнул к маме и взял её за обе руки.
— Вы прекрасны.

Мама покраснела. Я впервые видела, чтобы она краснела от комплимента.

— Виктор, это моя дочь, Анастасия.

Он повернулся ко мне. И улыбнулся — широко, открыто, без тени высокомерия.

— Анастасия. Красивое имя. Музыкальное.

— Спасибо, — ответила я тихо.

— Проходите. Чувствуйте себя как дома.

Я переступила порог.

Квартира была огромной. Я не умею оценивать квадратные метры, но здесь было больше пространства, чем во всей нашей старой квартире на Чехова. Высокие потолки, лепнина, паркет «ёлочкой», огромные окна от пола до потолка, из которых открывался вид на крыши и шпили.

В углу гостиной стоял рояль.

Настоящий «Steinway», чёрный, блестящий, как зеркало. Я замерла на месте и, кажется, перестала дышать.

— Вам нравится? — Виктор проследил за моим взглядом.

— Очень, — выдохнула я. — Вы играете?

— Нет. Это жены. Покойной. — Он помолчал секунду, и

в его голосе промелькнула тень. — Она была пианисткой. Не профессиональной, но очень любила. Инструмент остался, а играть некому.

Я почувствовала ком в горле.

— Может быть, вы сыграете когда-нибудь, Анастасия? — спросил он. — Я был бы рад.

— Спасибо, — ответила я. — Обязательно.

Мама смотрела на нас с улыбкой. Я видела, как она счастлива — по-настоящему, глубоко, без оглядки на прошлое. И я позволила себе порадоваться за неё.

Но радость длилась недолго.

Из коридора слышались шаги — быстрые, цокающие, как каблучки по паркету. Я обернулась и увидела её.

Оксана.

Она вошла в гостиную так, словно выходила на сцену. Длинные русые волосы, уложенные в идеальные локоны. Лицо — красивое, скульптурное, с высокими скулами и пухлыми губами, накрашенными ярко-алой помадой. Глаза — большие, карие, с хитринкой, которая сразу насторожила меня. На ней было короткое красное платье — слишком короткое для ужина с родителями, но она, кажется, не заморачивалась такими условностями.

— Пап, ты не сказал, что гости уже пришли, — произнесла она капризно, скользнув взглядом по маме, потом по мне.

— Оксана, познакомься. Это Валентина, я тебе о ней рассказывал. И её дочь, Анастасия.

— Настя, — поправила я, протягивая руку.

Оксана посмотрела на мою руку, как на что-то неудобное, и вместо рукопожатия кивнула — холодно, едва заметно.

— Очень приятно, — сказала она тоном, в котором «очень приятно» означало «убирайтесь отсюда».

Мама напряглась. Я видела, как она сжала губы, но промолчала.

— Девочки, садитесь за стол, — Виктор не заметил напряжения или сделал вид, что не заметил. — Я заказал ужин из ресторана. Оксана, поможешь накрыть?

— Конечно, папа, — она улыбнулась — ангельски, невинно — и пошла на кухню, покачивая бёдрами.

Я села на край дивана и почувствовала, как внутри разрастается тревога.

Не паника. Не страх. Что-то другое — предчувствие. То самое, которое приходит за секунду до того, как сядешь не на ту ноту на экзамене.

За ужином Виктор был само очарование.

Он рассказывал о своей работе, о логистике, о том, как возит товары через полстраны. Говорил громко, увлечённо, с жестами, от которых звенели вилки. Мама слушала, раскрыв рот, и я впервые увидела её влюблённой.

Оксана молчала.

Сидела напротив меня и ковыряла вилкой салат, иногда бросая в мою сторону быстрые, колючие взгляды.

— Анастасия, ты говорила, что учишься на педагога? —

спросил Виктор.

— Да. Музыкальный факультет. Буду учителем музыки.

— Благородная профессия. — Он поднял бокал. — За будущих педагогов!

Я улыбнулась и отпила сок.

— А ты, Оксана? — спросила мама мягко. — Чем ты занимаешься?

Оксана подняла голову. В её глазах мелькнуло раздражение — быстрое, как вспышка.

— Я нигде не учусь и не работаю, — ответила она с вызовом. — Мне папа помогает.

— Оксана ищет себя, — вставил Виктор примирительно. — Это нормально в её возрасте.

— Мне двадцать два, — отрезала она. — Не надо меня оправдывать.

Повисла неловкая тишина.

Я опустила глаза в тарелку и принялась крутить макаронину на вилке. Мама замерла с бокалом в руке.

Виктор кашлянул.

— Валентина, — сказал он, меняя тему. — Я хотел предложить. Мы ведь уже не дети. И нам не нужно ходить вокруг да около.

Мама напряглась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я предлагаю жить вместе. — Он сказал это просто, будто речь шла о покупке хлеба. — У меня большая квартира.

Комнат хватит всем. Вам с Настей будет где разместиться. И нам не придётся тратить время на поездки.

У меня вилка выпала из рук.

Звякнула о тарелку, и звук показался неестественно громким в этой тишине.

— Ты... ты серьёзно? — спросила мама.

— Вполне. Я люблю тебя, Валентина. И не вижу смысла откладывать.

Люблю.

Он сказал это при дочери. При моей матери. При мне. Это было слишком быстро. Слишком громко. Слишком.

— Я не против, — вдруг сказала Оксана.

Все повернулись к ней.

Она улыбалась — той самой ангельской улыбкой, которая не вязалась с её колючими глазами.

— Правда, пап? Если ты счастлив — я не против. Пусть живут с нами. Чем больше народу, тем веселее.

Я не поверила ни одному её слову.

Она говорила «пусть живут», а смотрела так, будто уже придумала, как выжить нас отсюда.

— Настя? — мама посмотрела на меня с надеждой и страхом одновременно. — Что ты думаешь?

Я перевела взгляд на Виктора. Он ждал. На Оксану — она смотрела в телефон, но я чувствовала её напряжение.

— Я... — начала я и запнулась.

Что я могла сказать? «Нет, я против»? Разбить мамино

счастье, разрушить её шанс на новую жизнь?

— Я подумаю, — ответила я тихо.

— Конечно, — кивнул Виктор. — Время есть. Не торопитесь.

Но я видела, что он торопится. И мама торопится. И даже Оксана — хотя та торопилась по своим, непонятным мне причинам.

После ужина мама ушла на кухню помогать Виктору с посудой. А я осталась в гостиной одна — если не считать Оксану, которая сидела в кресле и листала ленту в телефоне.

— Слушай, — вдруг сказала она, не отрываясь от экрана. — А у тебя парень есть?

Вопрос прозвучал небрежно. Слишком небрежно.

— Есть, — ответила я.

— Давно вместе?

— Два года.

— Серьёзно? — она подняла голову, и в её глазах загорелся интерес. — И кто он?

— Олег. Работает в логистике.

Она усмехнулась:

— В логистике? Папина сфера?

— Возможно, они даже знакомы. — Я не придавала значения. Логистика — большой бизнес, мало ли.

— Как зовут компанию?

— «ТрансЛогистик».

Оксана замерла.

Секунду она смотрела на меня с таким выражением, будто я сказала что-то невероятное. Потом улыбнулась — медленно, сладко, опасно.

— «ТрансЛогистик», значит, — протянула она. — Это же компания моего отца.

— Что?

— Да-да. Отец — владелец «ТрансЛогистика». Я думала, ты знаешь.

Я не знала.

Мама не сказала. Или сказала, а я не услышала?

— Твой парень работает на моего отца, — Оксана откинулась на спинку кресла, и в её позе появилось что-то победительное. — Какой забавный поворот.

— Ничего забавного, — ответила я. — Просто работа.

— Конечно-конечно. — Она снова уткнулась в телефон, но я видела, что она улыбается. Уголки губ подрагивали, как будто она придумала что-то очень интересное.

Я вдруг захотела домой.

В старую квартиру, где пахнет нотами и корицей. К роялю, который ждёт меня. К Олегу, который, наверное, сейчас пишет мне сообщение.

Телефон завибрировал.

«Как проходит ужин?» — спросил Олег.

«Странно», — ответила я.

«Держись. Я люблю тебя»

«Я тоже»

Я убрала телефон в карман и посмотрела на Оксану.

Она уже не смотрела на меня. Она что-то быстро печатала, и на её губах застыла улыбка — хищная, предвкушающая.

Я не знала, что она пишет своему отцу: «Пап, вели своему топ-менеджеру приехать завтра с отчётом. Хочу посмотреть на него».

Я не знала.

И когда мы с мамой уехали домой, в старую квартиру на Чехова, я думала только о том, что мама счастлива.

А Оксана в ту же ночь нашла Олега в социальных сетях и добавилась в друзья.

Он принял заявку, потому что не знал, кто она.

И потому что судьба уже начала играть свою партию — громкую, фальшивую, смертельную.

Дорогие читатели!

С огромным волнением предлагаю на ваш суд мою новинку.

«Бывшие. Всё начинается с любви» — это про циничное предательство, измену и ложь. Но главная героиня, воспрямлет, как Феникс из пепла и найдет свое счастье.

Это цикл "Бывшие". Вы еще много раз встретитесь с героями этого романа.

Поэтому, чтобы не пропустить новинки:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,

- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить продолжение,

- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Также вас ждут и другие мои произведения:

Предательство по Уставу

<https://litnet.com/shrt/yRJR>

Поцелуй чужими губами

<https://litnet.com/shrt/7Fre>

Альфонс и его дамы

<https://litnet.com/shrt/YQzJ>

Неверный. Семья, которой НЕТ

<https://litnet.com/shrt/SJpR>

Бархатная ловушка

<https://litnet.com/shrt/wwo->

Развод на троих

<https://litnet.com/shrt/b1y8>

Дневник обманутой жены

<https://litnet.com/shrt/16oR>

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 3. Первая трещина

Через три дня после ужина у Виктора мама сказала, что мы переезжаем.

Не спросила. Не предложила подумать. Просто сказала — спокойно, будто речь шла о смене обоев в ванной.

— Я согласилась, Настя. Мы будем жить вместе. С понедельника.

Я сидела за роялем. Пальцы замерли на полпути к клавишам, так и не коснувшись ни одной ноты.

— С понедельника? — переспросила я. — То есть послезавтра?

— Виктор сказал, что не видит смысла ждать. — Мама села на край стула и посмотрела на меня с мольбой, как будто я была судьёй, который решает её судьбу. — Ты же не против, Настенька? Ты же сказала, что подумаешь.

Я сказала, что подумаю. Но я не думала. Я надеялась, что мама передумает. Что она поймёт, как это быстро, как это нелепо, как это... неправильно.

Но она не передумала.

Она была влюблена. По уши. В первый раз после папиной смерти она улыбалась не дежурной улыбкой, а настоящей — той самой, которая зажигала в ней жизнь.

Я не могла её убить.

— Я не против, — сказала я и нажала на клавишу. Ми-

бемоль. Печальная, тоскливая нота. — Если ты счастлива.

— Я счастлива, — прошептала мама и обняла меня так крепко, что хрустнули позвонки.

Я обняла её в ответ.

И почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не страх. Не злость. Предчувствие.

Оно не покидало меня с того самого вечера.

В субботу приехал Олег.

Он был в хорошем настроении — только что закрыл крупную сделку, получил премию и светился как новогодняя ёлка. Он влетел в квартиру с букетом ромашек (мои любимые), чмокнул меня в щёку и утащил на кухню пить чай.

— Ты чего такая кислая? — спросил он, разглядывая меня поверх кружки.

— Мама переезжает.

— Я знаю. Виктор говорил.

— Ты знал? — я уставилась на него. — И молчал?

— Это не моя тайна. — Олег пожал плечами. — Виктор — мужик серьёзный. Он что решил, то сделает. И твоя мама взрослая женщина, сама разберётся.

— Ты его защищаешь?

— Я его уважаю. Он мой начальник. — Олег отставил кружку и взял меня за руку. — Насть, переезд — это не страшно. Новая квартира, новые возможности...

— Мне не нужны новые возможности. Мне нужен мой дом.

— Твой дом — там, где ты и твоя музыка. — Он поцеловал мои пальцы — каждый по очереди, медленно, нежно.

Я улыбнулась. Он умел меня успокаивать. Олег всегда знал, какие слова сказать, как посмотреть, как прикоснуться, чтобы мир перестал быть враждебным.

— Поехали со мной, — вдруг сказала я. — Познакомишься с Виктором официально. В новом качестве.

— В каком?

— Ну... мы же будем жить у него.

Олег замялся. Всего на секунду. Но я заметила.

— Поехали, — повторила я. — Это важно для меня.

— Хорошо, — кивнул он. — Завтра?

— Сегодня.

— Настя, у меня отчёт...

— Пожалуйста.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Я знала этот взгляд — он бывает у людей, которые хотят отказать, но не могут.

— Сегодня, — сдался он. — Но ненадолго.

Я поцеловала его в благодарность. Он в ответ — крепче, требовательнее, и на минуту я забыла обо всём на свете — о переезде, о Викторе, об Оксане, о тревоге, которая жила под рёбрами.

Он пах кофе и кожей. Он пах любовью.

Я верила в эту любовь, как верят в восход солнца — безоговорочно, наивно, по-детски.

Виктор встретил нас радушно.

— Олег! — он хлопнул парня по плечу так, что тот качнулся. — Рад видеть не только как сотрудника, но и как... как будущего родственника, можно сказать.

— Спасибо, Виктор Сергеевич, — Олег улыбнулся, но я заметила, как напряглись его плечи. Ему было неловко. Мой парень и его начальник — в одной гостиной, за одним столом, и все понимают, что это уже не просто деловые отношения.

Мама суежилась на кухне, заваривала чай, раскладывала печенье. Я помогала ей, то и дело поглядывая в гостиную, где Олег и Виктор обсуждали какие-то рабочие моменты.

— Оксана придёт? — спросила я маму.

— Должна. Виктор сказал, она хочет познакомиться с Олегом.

— С чего вдруг?

Мама пожала плечами:

— Интересуется. Говорит, любопытно посмотреть, с кем она будет жить под одной крышей.

Оксана — любопытно.

Что-то в этом словосочетании было неправильное. Неестественное. Как фальшивая улыбка на лице человека, который не умеет радоваться.

Она пришла через час. И снова — это было похоже на спектакль, на выход на сцену. Красное платье (другое, такое же короткое), волосы распущены, ресницы накрашены так,

что можно было вешать на них ёлочные игрушки.

— О, а вот и новый член семьи, — пропела она, входя в гостиную.

Олег встал.

Я видела, как он смотрит на неё. Не так, как на девушку друга или дочь начальника. Нет. Он смотрел на неё как мужчина смотрит на женщину — оценивающе, скольльзящим взглядом по шее, по ногам, по оголённым плечам.

Моё сердце кольнуло.

— Олег, — он протянул руку. — Очень приятно.

— Оксана, — она вложила свою ладонь в его и задержала дольше, чем нужно. — Наслышана о вас. Папа говорит, вы лучший сотрудник.

— Папа преувеличивает.

— Сомневаюсь.

Они смотрели друг на друга. Секунду. Две. Три.

Я стояла в дверях кухни с подносом в руках и чувствовала себя лишней. В своей собственной жизни. В сцене, где главные роли внезапно отдали другим актёрам.

— Чай? — спросила я громко, чтобы напомнить о своём существовании.

Оксана повернулась ко мне с улыбкой — той самой, ангельской, которая ничего не значила.

— С удовольствием, сестрёнка.

Сестрёнка.

Она называла меня так со сладкой издевкой, как будто это

было прозвище, а не родство.

Мы сели пить чай. Все вместе — Виктор, мама, Олег, я, Оксана. Семья. Или то, что должно было стать семьёй.

Разговор шёл о переезде, о планах, о том, как обустроить квартиру.

— Настя займёт спальню рядом с вашей, — говорил Виктор маме. — Там большой рояль поставить можно.

— Мой рояль, — поправила я. — Я перевожу свой.

— Конечно, твой. — Он улыбнулся. — У нас теперь всё общее.

Оксана хмыкнула.

— Всё общее? — переспросила она. — Даже парни?

Наступила тишина.

Звнящая, тяжёлая, как натянутая струна перед тем, как лопнуть.

— Шучу, — сказала Оксана и отпила чай. — Вы чего такие серьёзные?

Мама нервно рассмеялась. Виктор нахмурился.

— Оксана, не глупи, — сказал он.

— Я не глуплю. — Она посмотрела на Олега. — Просто хочу убедиться, что Насте повезло. Выглядит он надёжным. Правда, надёжный?

Олег молчал. Смотрел в свою кружку, и я видела, как побелели его костяшки.

— Очень надёжный, — сказала я за него.

— Ну и отлично, — Оксана откинулась на спинку стула.

— Тогда я спокойна. За сестру.

Она сказала «за сестру», но смотрела на Олега.

А он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

Я не знаю, что они прочитали друг в друге. Но что-то прочитали. Что-то такое, от чего у меня похолодело внутри.

Я отвела глаза и принялась крутить в руках салфетку.

В тот вечер Олег уехал рано.

— Отчёт доделать надо, — сказал он, целуя меня в щёку на прощание. — Завтра позвоню.

— Приедешь на переезд? — спросила я.

— Постараюсь.

Постараюсь. Не «да», не «конечно», не «обязательно». «Постараюсь».

Я смотрела, как его машина отъезжает от дома, и чувствовала, как внутри разрастается пустота.

— Хороший парень, — сказала Оксана, стоя на пороге. — Ты счастливица.

Я повернулась к ней.

Она улыбалась. В полумраке подъезда её улыбка выглядела странно — слишком широкой, слишком яркой для обычного комплимента.

— Счастливица, — повторила я.

И пошла в квартиру, оставив её одну в коридоре.

Я не видела, как Оксана достала телефон и набрала сообщение.

Не видела, как она написала: «Олег, вы забыли свою за-

жигалку на столе. Приедете завтра? Я буду одна».

Не видела, как через минуту пришёл ответ: «Приеду».

Я ничего этого не видела.

Потому что я верила.

А вера делает нас слепыми.

Глава 4. Чужие стены

Переезд начался в восемь утра и напоминал военную операцию.

Грузчики, которых нанял Виктор, работали быстро и молча. Они выносили коробки из нашей старой квартиры на Чехова, грузили их в большую машину и увозили в неизвестном направлении. Я стояла в коридоре, прижимая к груди папину дирижёрскую палочку, и смотрела, как исчезает моя жизнь.

Книги. Ноты. Фотографии в деревянных рамках. Старый торшер, который помнил мои детские слёзы. Ковёр, на котором я училась ползать. Всё это упаковывали в коробки, заклеивали скотчем и отправляли в новую жизнь.

Новую жизнь.

Я ненавидела это словосочетание.

— Настя, ты pomoжeшь или будeшь стоять столбом? — мама возникла из спальни с коробкой посуды в руках. Она была растрёпанная, раскрасневшаяся, но глаза горели.

Я хотела сказать: «Я не хочу помогать. Я не хочу уезжать. Я не хочу жить в чужой квартире с чужими людьми».

Но вместо этого взяла коробку и понесла к выходу, потому что мама была счастлива. А я не умела отказывать счастью. Последним выносили рояль.

Я заставила грузчиков быть осторожными — наверное,

раз двадцать повторила, что инструмент старый, что его нельзя трясти, что клавиши расстраиваются от любого резкого движения. Мужики кряхтели, катили рояль на специальной тележке, а я шла рядом и молилась всем богам, которых не знала.

— Не бойся, дочка, — сказал старший грузчик, лысый дядька с золотым зубом. — Мы таких перевезли — закачаешься. Не в первый раз.

— Это не просто рояль, — ответила я. — Это память.

Он посмотрел на меня, покачал головой, но ничего не сказал.

Память не упакуешь в коробку. Её не заклеишь скотчем. Она остаётся там, где было сердце — в стенах, в запахах, в трещинах на потолке, которые я разглядывала, когда не могла уснуть.

Но эти стены больше не были моими.

Я закрыла дверь старой квартиры и почувствовала, как что-то оборвалось внутри. Не боль. Не тоска. Что-то другое — окончание. Точка в конце длинной главы, которую я не хотела дочитывать.

— Поехали, — сказала мама мягко. — Всё будет хорошо.

Она говорила это так часто, что слово «хорошо» потеряло смысл.

Новая квартира встретила меня запахами — чужими, навязчивыми. Дорогой ковролин, хвоя из искусственной ёлки (в апреле-то!), духи Оксаны, которые, казалось, пропитали

каждую щель.

Грузчики занесли вещи. Я провела их в свою новую комнату — угловую, с большим окном, выходящим на шумную улицу. Стены были светло-бежевыми, почти белыми. Мне сказали, что я могу их перекрасить. Но я не хотела перекрашивать. Я хотела вернуть свои старые стены — с тёплыми обоями, с пауком в углу, с трещиной, похожей на ветку дерева.

— Рояль куда? — спросил грузчик.

Я показала. В угол, лицом к окну.

Но когда они поставили инструмент, я поняла, что он смотрит в стену.

— Переверните, — попросила я.

Грузчики перевернули.

Теперь рояль смотрел на дверь. Как единственное живое существо в этой комнате, которое было моим.

— Спасибо, — сказала я.

Грузчики ушли.

А я осталась одна в новой комнате, с роялем, с коробками и с чувством, что я — не у себя дома. Я в гостях. И гостеприимство это когда-нибудь закончится.

В шесть вечера приехал Олег.

Он помогал распаковывать коробки — делал это неумело, но старательно. Резал скотч, доставал книги, расставлял их на новых полках, которые Виктор заказал специально для меня.

— Тебе нравится? — спросил он, показывая на ровные ряды корешков.

— Нравится, — соврала я.

— Насть, ну что ты киснешь? — он обнял меня со спины, уткнулся носом в волосы. — Переезд — это всегда стресс. Пройдёт.

— Пройдёт, — повторила я эхом.

— Вот увидишь, тут хорошо. Виктор мужик нормальный. Оксана...

Он запнулся. Всего на секунду.

— Что — Оксана? — спросила я.

— Ничего. Она... она просто девчонка. Избалованная. Но не злая.

— Откуда ты знаешь?

— Виктор рассказывал. — Он поцеловал меня в висок. — Не думай о ней. Думай обо мне.

Я улыбнулась. Развернулась в его объятиях и поцеловала сама — долго, требовательно, как будто хотела убедиться, что он настоящий. Что он здесь, что он мой.

Он ответил на поцелуй. Но я почувствовала — он думает о чём-то другом.

Вечером мы ужинали всей «семьёй».

Виктор заказал пиццу (мама хотела готовить, но он настоял на отдыхе). Мы сидели за огромным столом, который помещался в столовой, и делали вид, что всё нормально.

Мама смеялась. Виктор рассказывал анекдоты. Оксана ко-

выряла пищу и бросала быстрые взгляды на Олега.

Я заметила.

Конечно, заметила.

Как она смотрит на него, когда он не видит. Как облизывает губы, когда он говорит. Как наклоняется, чтобы взять соус, демонстрируя вырез платья.

Я заметила всё.

Но я сказала себе: «Тебе кажется. Ты просто нервничаешь из-за переезда. Ты просто устала. Ты просто... просто...»

Просто дура.

— Настя, передай соль, — попросила мама.

Я передала.

И поймала взгляд Оксаны. Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая обещала неприятности.

После ужина Олег уехал. Сказал, что завтра рано на работу, и поцеловал меня на прощание — быстро, не так, как обычно.

— Ты придёшь завтра? — спросила я.

— Посмотрим.

Посмотрим.

Не «да». Не «конечно». Не «обязательно».

«Посмотрим».

Я стояла у окна и смотрела, как его машина исчезает за поворотом. Зажгла лампу, села за рояль.

Пальцы лежали на клавишах, но музыка не шла.

Я сидела так долго — час, может, два. А потом услышала

шаги в коридоре.

Оксана.

Она не спала. Она ходила по квартире, и её шаги были лёгкими, бесшумными, как у кошки. Я слышала, как она зашла на кухню, открыла холодильник, налила воды.

А потом — её голос. Тихо, почти шёпотом.

— Привет. Не спишь?

Я замерла. Она говорила по телефону.

— Представляешь, он сегодня приезжал. Да, тот самый. Олег. — Пауза. — Красивый, чёрт возьми. Очень. Настя не знает, какое сокровище ей досталось. — Смешок. — Может, и узнает. Скоро.

Я перестала дышать.

— Да ладно, я шучу. — Её голос стал игривым. — Или не шучу? Посмотрим. Он сам на меня смотрел. Весь ужин. Она не заметила, а я заметила. Бабы всегда влюблены в себя, поэтому не видят, куда смотрят их мужики.

Пауза. Она слушала собеседника.

— Ладно, поздно уже. Завтра позвоню. Да, я тоже. Пока. Шаги удалились. Дверь её комнаты закрылась.

Я сидела за роялем и смотрела на свои руки.

Они дрожали.

Я знала, что подслушивать нехорошо. Я знала, что она могла говорить о ком угодно. Я знала, что это не доказательство.

Но внутри меня что-то треснуло.

Негромко. Почти незаметно. Как первая трещина на льду, когда ещё можно сделать вид, что ничего не случилось.

Я убрала руки с клавиш.

Легла в новую кровать, уставилась в новый потолок и долго не могла уснуть.

Мама зашла попрощаться перед сном.

— Настя, ты как?

— Нормально.

— Ты плакала?

— Нет.

Она села на край кровати, погладила меня по голове, как в детстве.

— Всё наладится. Ты увидишь.

— Увижу, — согласилась я.

Она поцеловала меня в лоб и ушла.

А я закрыла глаза и представила, что я не здесь. Что я в старой квартире на Чехова, что папа в соседней комнате перебирает ноты, что мама тихо смеётся на кухне, разговаривая с подругой, что Олег смотрит только на меня.

Я представила.

И почти поверила.

Но рояль в углу молчал.

Он не умел врать.

Глава 5. Фальшивый аккорд

Прошла неделя.

Семь дней, которые растянулись в бесконечность. Семь дней, в которые я пыталась убедить себя, что всё нормально. Что переезд — это всегда стресс. Что Олег устаёт на работе. Что Оксана просто... просто такая. Что мама заслуживает счастья.

Семь дней лжи.

Я вставала в шесть, пила чай, садилась за рояль и играла гаммы. Репетиция, университет, лекции, практика в музыкальной школе, снова рояль, поздний ужин, сон.

Этот ритм спасал меня. В нём не было места для тревоги. Для мыслей о том, почему Олег перестал смотреть мне в глаза. Для голоса внутри, который шептал: «Он думает о другой».

Я затыкала этот голос музыкой.

Громкой, сложной, требовательной.

Шопен, Бах, Рахманинов. Мои пальцы летали по клавишам, как будто от этого зависела моя жизнь.

Возможно, так и было.

— Анастасия, Вы сегодня злая, — сказала Маргарита Сергеевна после занятия. — Раньше вы играли мягче, а сейчас... в вашем звуке появился металл.

— Извините, — ответила я. — Наверное, устала.

— Усталость — не оправдание для музыканта. Идите, отдыхайте. Завтра жду вас в десять.

Я кивнула и вышла из класса.

Катя ждала меня в коридоре.

— Ну как? — спросила она, жуя яблоко.

— Сказала, что я злая.

— Ты и есть злая. — Катя толкнула меня локтем. — Ты последнюю неделю ходишь как тень. Что случилось?

— Ничего.

— Настя, я знаю тебя пять лет. Ты врешь как дышишь. Колись.

Я остановилась. Посмотрела в окно на серое апрельское небо и вдруг поняла, что не могу больше держать это в себе.

— Олег изменился, — сказала я тихо. — Я не знаю почему. Он стал... холодным.

— Холодным? — Катя перестала жевать. — В каком смысле?

— В прямом. Раньше он писал мне каждые два часа. А теперь может молчать весь день. Раньше он смотрел на меня так, будто я — центр вселенной. А теперь... он смотрит в телефон, когда мы рядом. Или в стену. Или...

— Или? — Катя наклонилась ближе.

— Я не знаю. Мне кажется, или он думает о ком-то другом.

Катя выдохнула.

— Ты уверена?

— Нет. Поэтому я и схожу с ума.

Она помолчала, потом взяла меня за руку.

— Насть, хочешь совет? Спроси у него прямо. Не мучай себя догадками.

— А если он скажет правду?

— Значит, узнаешь правду. Это лучше, чем жить с призраком в голове.

Я кивнула.

Но спросить не решилась.

В пятницу вечером Олег приехал поздно. Я ждала его на кухне с чашкой чая, который остыл уже три раза.

— Привет, — сказал он, заходя. Не поцеловал. Даже не попытался.

— Привет, — ответила я. — Голодный?

— Нет. Я перекусил в офисе.

Он прошёл в гостиную, сел на диван и включил телевизор. Я села рядом, положила голову ему на плечо.

Он не обнял меня в ответ.

— У тебя что-то случилось? — спросила я.

— Всё нормально.

— Олег.

— Что? — он повернулся ко мне, и в его глазах была усталость. Настоящая, тяжёлая, как будто он нёс на плечах неподъёмный груз. — Что тебе сказать?

— Правду.

Он помолчал. Телевизор бормотал что-то про погоду.

— Настя, я люблю тебя, — сказал он. — Но у меня сейчас сложный период на работе. Виктор требует отчёты, новые проекты, старые клиенты ноют. Я вымотан как собака. Пожалуйста, не дави на меня.

— Я не давлю.

— Давишь. Ты каждую минуту хочешь знать, где я, с кем, что делаю. Я не в тюрьме, Настя.

Я отодвинулась.

— Ты прав. Извини.

— Всё нормально, — он погладил меня по щеке — впервые за вечер. — Дай мне время.

Далёкие шаги.

Босиком по паркету.

Я обернулась.

В дверях стояла Оксана. Без халата — в короткой шёлковой ночнушке, с распущенными волосами и отсутствующим выражением лица.

— Ой, ты не одна, — она театрально прикрыла рот рукой.
— Извините, я воды хотела.

— Вода в холодильнике, — сказала я сухо.

— Знаю. — Она улыбнулась, прошла на кухню, достала бутылку и медленно, покачивая бёдрами, вернулась обратно.

Перед тем как выйти, она бросила взгляд на Олега.

Короткий. Острый. Многозначительный.

Он не поднял глаз.

Но я снова заметила — как напряглись его плечи. Как сжа-

лись пальцы, лежащие на колене.

— Спокойной ночи, — сказала Оксана и скрылась в коридоре.

Мы остались вдвоём.

В комнате висел запах её духов — сладкий, приторный, тошнотворный.

— Она специально, — сказала я.

— Кто?

— Оксана. Она специально ходит в таком виде, когда ты здесь.

— Настя, ты параноик.

— Я?

— Ты. — Олег встал. — Я поеду домой. Устал.

— Твой дом — здесь.

— Мой дом там, где я ночую. А сегодня я ночую у себя.

Он чмокнул меня в лоб, как ребёнка, и вышел.

Я осталась одна на диване.

Включила телевизор, выключила. Сходила на кухню, налила чай, вылила. Села за рояль, положила руки на клавиши.

Не нажала ни одной ноты.

Это была не усталость.

Это была агония.

На следующий день я решила сделать сюрприз.

Купила продукты, приготовила ужин — мясо по-французски, салат, домашний пирог. Зажгла свечи. Надела красивое платье — то самое, тёмно-синее, в котором была у Вик-

тора.

Олег обещал приехать в семь.

Я ждала до девяти.

В девять он написал: «Прости, не получится. Совещание затянулось».

Я ответила: «Ничего. В другой раз».

Поставила еду в холодильник, задула свечи.

— Выкинь это, — сказала Оксана, заглянув на кухню. —

Оно уже невкусное.

— Ещё нормальное, — ответила я.

— Твой Олег не придёт. Он вообще стал редко появляться, да?

Я промолчала.

— Настя, — она села напротив меня, сложила руки на столе. — Можно вопрос?

— Задай.

— Ты реально думаешь, что он тебя любит?

Вопрос прозвучал как пощёчина.

— Думаю, — ответила я.

— И ты не боишься?

— Чего?

Она наклонилась ближе. Так близко, что я чувствовала запах её помады.

— Что он найдёт кого-то лучше, — прошептала она.

Я смотрела в её глаза — большие, карие, с хитринкой — и не узнавала в них родственную душу.

— Ты — чудовище, — сказала я.

— Возможно. — Она встала. — Но я честная. Я хотя бы не притворяюсь святой.

Она ушла.

А я сидела на кухне и смотрела на остывший ужин.

Пирог подгорел. Мясо засохло. Свечи оплавилась.

Всё пропало.

Как и моя вера в то, что я могу быть счастлива.

Ночью я не спала.

Сидела у окна, смотрела на город, который шумел даже в темноте. На огни машин, на редких прохожих, на фонари, которые мигали в такт моему сердцу.

Телефон завибрировал.

Олег: «Извини за сегодня. Завтра приеду обязательно. Целую».

Я не ответила.

Потому что не знала, что сказать. «Я люблю тебя»? «Ты мне нужен»? «Ты убиваешь меня своей холодностью»?

Ни одно слово не отражало того, что творилось у меня внутри.

Я подошла к роялю. Села. Нажала на клавишу.

До-мажор.

Он прозвучал фальшиво.

Я перенастрою его завтра, подумала я.

Инструмент.

И свою жизнь.

Глава 6. Грехопадение

Оксана знала, что он придёт.

Она не гадала, не надеялась, не ждала у окна. Она знала. Потому что мужчины — предсказуемые животные. Им нужно только разрешение. Чуть приоткрытая дверь, взгляд чуть дольше положенного, случайное прикосновение — и они ваши.

Олегу она понравилась в первый же вечер.

Он не подал виду. Не улыбнулся, не сделал шага навстречу. Но Оксана видела, как он смотрел на неё, когда Настя отворачивалась. Как задерживался взглядом на её шее, на ключицах, на ногах. Как напрягались его плечи, когда она проходила мимо.

Он хотел её.

Он хотел её так сильно, что боялся сам себе в этом признаться.

Но Оксана не боялась.

Она никогда ничего не боялась.

Сегодня отец уехал на переговоры в другой город. Валентина — мачеха, тьфу — отправилась с ним. А Настя была в университете на дополнительных занятиях. В квартире осталась только Оксана.

И Олег.

Она знала, что он зайдёт. Он делал вид, что приехал за

какими-то документами отца, но Оксана не была дурой. Документы можно было забрать в любое другое время. Он приехал за ней.

Она встретила его в коридоре.

На ней было короткое шёлковое платье цвета шампань — то самое, которое она купила вчера в бутике на Тверской. Волосы распущены, макияж лёгкий, но губы накрашены ярко-алым. Губы, о которых мужчины думают, когда не могут уснуть.

— Олег, — сказала она, пропуская его в квартиру. — Папа просил передать, что документы на столе в кабинете.

— Спасибо, — ответил он. Не поднял глаз. Прошёл мимо, и воздух колыхнулся от его запаха — дорогого парфюма, кожи, мужского пота.

Оксана закрыла дверь. Щёлкнул замок.

Она не заперла её. Просто прикрыла. Но звук получился многозначительным.

Олег замер на полпути к кабинету.

— Ты не торопишься? — спросила Оксана, облокотившись о стену.

— Нет, — его голос был глухим. — А что?

— Ничего. Просто Настя вернётся только к шести. У нас есть целых три часа.

Она сказала это спокойно, будто речь шла о чаепитии. Но смысл повис в воздухе — тяжёлый, липкий, как патока.

Олег медленно повернулся к ней.

В его глазах горело. Нестерпимо, жарко, опасно.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Ничего. Просто констатирую факт.

— Оксана...

— Тш-ш-ш, — она приложила палец к губам. — Не надо говорить то, о чём потом пожалеешь. Лучше сделай то, о чём не пожалеешь никогда.

Она подошла к нему.

Один шаг. Второй. Третий.

Расстояние между ними исчезло. Она чувствовала жар его тела, слышала его дыхание — частое, неровное, как у загнанного зверя.

— Ты красивая, — сказал он вдруг. Как выдохнул.

— Я знаю, — ответила она.

И поцеловала его.

Не нежно. Не спрашивая.

Она обхватила его лицо руками, впиалась пальцами в его щетину, прижалась всем телом — грудью, бёдрами, животом. Он замер на секунду, и Оксана испугалась, что сейчас оттолкнёт.

Но Олег не оттолкнул. Он взорвался. Его руки — сильные, жадные — схватили её за талию, прижали к себе так, что у неё перехватило дыхание. Он целовал её в ответ — грубо, голодно, как будто ждал этого момента всю жизнь.

Их языки встретились. Вкус — кофе, вишнёвая помада, слюна, желание. Оксана застонала — тихо, в его рот, и этот

звук сломал последнюю преграду.

Олег развернул её, прижал спиной к стене. Его руки скользнули вниз, по бёдрам, сжали ткань платья, задирая её вверх. Прохладный воздух коснулся кожи — трусики, маленькие, кружевные, которые она надела специально.

Он оторвался от её губ, посмотрел в глаза. Тяжело дышал. В зрачках — пламя.

— Ты уверена? — спросил он. Голос сел, стал низким, хриплым.

— А ты? — она усмехнулась, провела рукой по его ширинке.

Он зашипел сквозь зубы и снова поцеловал её — теперь шею, ключицы, плечо, туда, где платье сползло, обнажая кружево бюстгальтера.

Оксана откинула голову назад, закрыла глаза и позволила себе лететь.

Это было неправильно. Это было грязно. Это было то, что она хотела с первой секунды, как увидела его.

Она хотела не его — она хотела победу. Хотела доказать себе, что может забрать всё, что захочет. У любой. Даже у своей новой «сестры» с её роялем, длинными юбками и ангельскими глазами.

Ангелы падают первыми.

— Идём, — прошептала она, схватив его за руку.

— Куда?

— Туда, где нас никто не увидит.

Она повела его в свою комнату — ту, которую отец выделил ей для ночёвок, хотя у неё была собственная квартира. Комната была девчачьей, розовой, с кучей подушек на кровати и французскими духами на тумбочке.

Оксана закрыла дверь. Щёлкнул замок. На этот раз — по-настоящему.

Она не стала включать свет. Пусть будет темно — так острее чувствуется всё: запахи, прикосновения, близость чужого тела, которое сгорает от желания.

Олег вошёл следом. Его глаза привыкли к темноте, и он увидел её — силуэт у кровати, платье, которое сползает с плеч, трусики, которые она снимает сама, медленно, специально.

— Ты чудовище, — сказал он, но голос дрожал не от страха.

— Я знаю, — ответила она. — Иди сюда.

Он подошёл. Его руки дрожали, когда он касался её. Или это у неё тряслись колени? Неважно. Важно было только то, что сейчас, здесь, в этой комнате, в чужой квартире — они делали то, что сломает несколько жизней.

Их губы снова встретились. Поцелуй стал глубже, требовательнее. Олег сорвал с неё платье — оно упало на пол шуршащей кучкой шёлка. Бюстгальтер полетел следом. Оксана осталась в одних чулках — она любила чулки, любила, когда мужчины сходили с ума от одной полоски резинки на бедре.

Олег замер, глядя на неё.

— Боже, — выдохнул он. — Какая ты...

— Не говори, — она прижала палец к его губам. — Просто делай.

Он опрокинул её на кровать — не нежно, а так, что пружины жалобно скрипнули. Накрыл своим телом — тяжёлым, горячим, пахнущим мужской силой. Оксана обхватила ногами его талию. Он вошёл в неё резко, без предисловий, и она вскрикнула — от неожиданности, от боли, от удовольствия.

— Тише, — прошептал он. — Услышат.

— Никого нет, — выдохнула она.

И застонала громче — нарочно, с вызовом, чтобы он знал: она не боится. Она никогда ничего не боится.

Они двигались в темноте — сначала медленно, потом быстрее, потом исступлённо, как будто каждый боялся, что это последний раз. Оксана впивалась ногтями ему в спину, оставляя следы. Олег целовал её шею, грудь, живот — всё, до чего могли дотянуться губы. Ей было хорошо. Не физически — физически могло быть и лучше. Ей было хорошо от осознания: она сделала это. Она взяла его. Её серая, скучная, «правильная» сестра осталась ни с чем.

Победа.

Сладкая, грязная, пьянящая.

Когда всё закончилось, они лежали рядом, тяжело дыша. Оксана смотрела в потолок и улыбалась.

Олег молчал.

— О чём думаешь? — спросила она.

— О Насе, — ответил он.

Оксане захотелось плюнуть ему в лицо.

— Не смей, — сказала она холодно. — Не смей думать о ней, когда ты в моей постели.

— Это было ошибкой, — он сел, запустил пальцы в волосы. — Я не должен был...

— Должен, не должен. — Она села рядом, обвила руками его шею. — Слушай меня. Ты сейчас уйдёшь, и никому ничего не скажешь. Ни слова. Это наш секрет.

— Я не могу врать Насе.

— А ты и не будешь врать. Ты просто промолчишь. Это разные вещи.

Он повернулся к ней. В темноте его глаза казались чёрными — бездонными, пустыми.

— Ты злая, — сказал он.

— Возможно. — Она поцеловала его в уголок губ. — Но ты меня хотел. И хочешь до сих пор.

Он не ответил. Потому что она была права.

Оксана проводила его до двери, когда часы показывали половину четвёртого. Перед уходом Олег замер, рука на дверной ручке.

— Мы... это больше не повторится, — сказал он.

— Конечно, — улыбнулась Оксана. — Конечно, не повторится.

Она закрыла за ним дверь, прислонилась спиной к прохладному дереву и расхохоталась.

Глупый.

Какой же глупый.

Они повторяют. И не раз. Она позаботится об этом.

Оксана прошла в ванную, встала под душ, смывая с себя его запах, его пот, его прикосновения.

Вода была горячей, почти обжигающей. Она закрыла глаза и улыбнулась.

«Настя, — подумала она. — Милая моя сестрёнка. Ты даже не представляешь, что я у тебя забрала».

А Настя в это время сидела в аудитории педагогического, играла Шопена и улыбалась своим мыслям об Олеге.

Она думала, что он любит её.

Она думала, что они будут вместе всю жизнь.

Она думала, что счастье — это когда утром просыпаешься и знаешь, что тебя ждут.

Она ничего не знала.

И это было самым страшным.

Глава 7. Анастасия. Кошачьи игры

Я вернулась из университета уставшая, но с лёгким сердцем.

Маргарита Сергеевна сегодня впервые за долгое время сказала, что я играю с душой. «Вы наконец-то перестали быть просто техничной пианисткой, Анастасия. В вашем звуке появилась глубина. Будто вы научились чувствовать боль и не бояться её».

Я не стала говорить, что боль — это всё, что я сейчас чувствую. Что каждое утро начинается с вопроса: «Почему он стал таким холодным?», а заканчивается тем же вопросом, оставшимся без ответа.

Но музыка помогала.

Я выплёскивала в клавиши то, что не могла сказать вслух. И, кажется, это работало.

Я вошла в квартиру, переступила порог и сразу почувствовала — что-то изменилось.

Воздух был другим. Плотным. Напряжённым. Как перед грозой.

— О, сестрёнка вернулась! — раздался голос Оксаны из гостиной.

Я сняла туфли, повесила пальто и пошла на голос.

Оксана сидела на диване в коротком шёлковом халате — распахнутом ровно настолько, чтобы было видно кружевной

топ под ним. Её волосы были влажными — она только что мылась. В руке — чашка зелёного чая, на столике — телефон.

Она выглядела расслабленной. Довольной. Кошкой, которая толькочто наелась сметаны.

— Привет, — сказала я, садясь в кресло напротив.

— Как учёба? — спросила она, и в голосе не было обычной насмешки. Наоборот — приторная сладость, как в дешёвом сиропе.

— Нормально.

— Олег сегодня заезжал, — небрежно бросила она, отпивая чай.

Моё сердце пропустило удар.

— Заезжал?

— Да, за документами для папы. — Она пожала плечами, потом вдруг наклонилась ко мне, понизила голос до доверительного шёпота: — Слушай, а он всегда такой... напряжённый?

— Какой?

— Ну, не знаю. — Оксана откинулась на спинку дивана, провела рукой по волосам. — Он сегодня был какой-то странный. Всё время отводил глаза, говорил короткими фразами. Я думала, может, у вас ссора?

— У нас нет ссоры, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает тревога. — Просто он устаёт на работе.

— А, работа, — протянула она. — Ну да, работа. Муж-

чины всегда прикрываются работой, когда не хотят говорить правду.

— Какую правду?

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты правда не замечаешь?

— Что я должна замечать?

Оксана сделала ещё глоток чая, поставила чашку на стол и вдруг улыбнулась — широко, лениво, как сытая пантера.

— Ничего, — сказала она. — Наверное, мне показалось.

Она встала, потянулась (халат распахнулся чуть шире, обнажая кружевные трусики), и направилась к выходу из гостиной.

У двери она остановилась.

— Настя, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты когда-нибудь задумывалась, что люди не всегда такие, какими кажутся?

— К чему ты ведёшь?

— Ни к чему. — Она повернула голову, и я увидела её профиль — красивый, но какой-то чужой. — Просто... береги то, что имеешь. Пока оно у тебя есть.

Она вышла.

Я осталась сидеть в кресле, чувствуя, как по спине ползёт холод.

Что она имела в виду?

Что за намёки?

Почему Олег был «напряжённым»?

Почему он не написал мне, что заезжал?

Я достала телефон. Сообщений от Олега не было — ни утром, ни днём, ни сейчас. Последняя переписка оборвалась на моём «Спокойной ночи» вчера, на которое он так и не ответил.

Я набрала: «Ты сегодня заезжал?»

Ответ пришёл через минуту: «Да. Документы забрал. Ты была в универе»

«Почему не написал?»

«Не хотел отвлекать. У тебя же репетиция»

Обычный ответ. Рациональный. Даже вежливый.

Но почему-то он не согрел.

Потому что раньше он писал бы: «Скучал. Приеду вечером. Люблю».

А теперь — сухие фразы. Деловые. Чужие.

Через два дня случилось нечто, что я не могла уже объяснить своей тревожностью.

Мы сидели за ужином — я, мама, Виктор, Оксана. Олег пришёл позже, сказал, что проголодался, и сел рядом со мной.

Оксана сидела напротив.

Всё было нормально ровно до того момента, пока она не наклонилась за солонкой.

— Ой, — сказала она, и её рука «случайно» коснулась руки Олега.

Он дёрнулся. Я видела.

— Извини, — она улыбнулась так невинно, что я почувствовала тошноту. — Такая неуклюжая.

— Ничего, — ответил Олег, убирая руку.

Через минуту она снова «случайно» задела его ногой под столом.

Я сидела рядом. Я чувствовала, как стол вибрирует от её движения.

— Оксана, — сказала я тихо.

— М-м-м? — она подняла брови, изображая удивление.

— У тебя ноги длинные. Следи за ними.

— Ой, правда? — она рассмеялась — звонко, наигранно.

— Извините, ребята. Не привыкла делить пространство.

Мама засмеялась. Виктор покачал головой: «Балда ты, дочка».

Оксана посмотрела на Олега. Он — в тарелку.

Но я заметила, как покраснели его уши.

Он смутился.

От её прикосновения.

Не от моего.

Позже, когда мама и Виктор ушли на кухню пить чай, а мы остались втроём, Оксана вдруг спросила:

— Олег, а ты любишь экстрим?

Олег поднял голову:

— В каком смысле?

— Ну, адреналин. Острые ощущения. Риск. — Она облизнула губы. — Мне кажется, ты из тех, кто любит рисковать.

— Я из тех, кто любит стабильность, — ответил он сухо.

— Жаль, — она вздохнула. — А я думала, ты смелее.

— Оксана, — вмешалась я. — Что за вопросы?

— Просто любопытно, — она пожала плечами. — Мы же семья. Должны узнавать друг друга лучше, правда?

Она смотрела на Олега, когда говорила слово «семья».

Так, будто это было шуткой.

Я взяла Олега за руку. Он позволил, но не сжал в ответ. Его пальцы остались безжизненными, как у манекена.

— Я пойду, — сказал он внезапно. — Завтра рано вставать.

— Уже уходишь? — спросила я.

— Устал.

Он чмокнул меня в лоб — быстро, не глядя — и вышел.

Оксана проводила его взглядом.

И улыбнулась.

— Хороший парень, — сказала она. — Жаль, что он такой... скучный.

— Он не скучный, — ответила я.

— Ну-ну. — Она встала, потянулась. — Спокойной ночи, сестрёнка.

Она вышла, покачивая бёдрами.

Я осталась одна.

И вдруг поняла: она делала это специально. Все эти «случайные» прикосновения, намёки, вопросы — не случайность. Она проверяла границы. Мои. И его.

Она хотела что-то доказать.

Но что?

В ту ночь я не спала до трёх.

Сидела за роялем, перебирала клавиши и думала.

Оксана не просто флиртовала с Олегом. Она делала это открыто, при мне, как будто хотела, чтобы я видела. Как будто хотела, чтобы я ревновала. Или...

Или чтобы я поняла то, чего ещё не знала.

Я вспомнила её фразу: «Люди не всегда такие, какими кажутся».

О чём она?

Об Олеге? О себе? Обо мне?

Я нажала на аккорд — резкий, громкий, полный боли.

«Не выдумывай, — сказала я себе. — Ты просто устала. Ты просто мнительная. Ты все усложняешь».

Но внутри что-то кричало: «НЕТ».

Ты не усложняешь. Ты просто наконец-то начинаешь видеть.

А видеть страшно.

На следующее утро я вышла на кухню и увидела Оксану, пьющую кофе. Она сидела в одном полотенце, обёрнутом вокруг груди, нога на ногу, и смотрела в окно.

— Доброе утро, — сказала я, открывая холодильник.

— Доброе, — ответила она. — Настя, можно вопрос?

— Валяй.

— Ты когда-нибудь ревновала?

Я замерла с йогуртом в руке.

— К чему ты клонишь?

— Просто интересно, — она отпила кофе, оставив след алой помады на белой чашке. — Ты кажешься такой... спокойной. Уверенной. Думаешь, твой Олег никогда тебя не променяет на другую?

Вопрос прозвучал как удар под дых.

— Ты чего пристала? — я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

— Ничего. — Она улыбнулась. — Просто видела сегодня в парке пару — он смотрел на другую, пока его девушка не видела. Мужчины такие... неверные.

— Олег не такой.

— Если ты так думаешь. — Она встала, поправила полотенце. — Но я бы на твоём месте присматривала за ним.

Она вышла.

Я стояла с йогуртом, который уже начал таять, и чувствовала, как внутри поднимается паника.

Она знает что-то.

Она точно знает что-то.

Но что?

И почему она говорит мне это так, будто хочет причинить боль?

Я не знала ответа.

Но знала одно: эта женщина — моя новая «сестра» — опасна. Хуже, чем я могла представить.

И она только начала свою игру.

Глава 8. Анастасия. СМС

Я стала следить за ними незаметно. Сначала для себя. Чтобы убедиться, что мне всё кажется.

Но когда начинаешь искать — ты всегда находишь. Даже то, что спрятано. Даже то, что должно было остаться тайной.

Всё началось с мелочей.

Олег перестал оставлять телефон без присмотра. Раньше он мог бросить его на столе, пойти в душ, и я спокойно листала ленту новостей, пока ждала. Теперь он брал трубку даже в туалет. Спал с телефоном под подушкой. Заходил в приложения и сразу выходил, когда я приближалась.

— Ты что, пароль поставил? — спросила я как-то, когда он водил пальцем по экрану, а я заглянула через плечо.

— Давно пора, — ответил он, не глядя на меня. — В телефоне конфиденциальная информация. Рабочая.

— От меня?

— От всех.

Он врал. Я чувствовала это по тому, как дёргалось его веко, когда он говорил. По тому, как сжимались его пальцы на корпусе телефона, будто он боялся, что я вырву трубку.

Но я не вырывала.

Я ждала.

И смотрела.

Оксана тоже изменилась.

Она стала чаще бывать дома. Раньше она появлялась раз в два-три дня, а теперь — каждое утро. «Завтракать», говорила она. Сидела на кухне в коротких халатах, ходила по коридору в одном белье, забывала закрыть дверь в ванную.

И каждый раз, когда появлялся Олег, она оказывалась рядом.

Случайно.

Не случайно.

Я заметила, как она смотрит на него, когда он не видит. Как облизывает губы. Как поправляет волосы, наклоняясь вперёд, чтобы он видел её грудь в вырезе.

Он делал вид, что не замечает.

Но я видела, как он напрягается. Как сглатывает. Как его взгляд на секунду задерживается там, где не должен.

Я видела всё.

Я просто не хотела в это верить.

Однажды вечером Олег заснул на диване.

Телефон выпал из его руки и упал на ковёр. Экран горел — он не заблокировал его перед сном.

Я сидела рядом, смотрела на него. Он спал — беззащитный, красивый, мой. Тот самый, кого я любила два года. Тот самый, кто обещал быть со мной всегда.

Я протянула руку к телефону.

Пальцы дрожали.

— Не надо, — шепнула я себе. — Не надо, Настя. Доверяй.

Но голос внутри кричал громче: «УЗНАЙ. ТЫ ДОЛЖНА ЗНАТЬ».

Я взяла телефон.

Почти год назад он сказал мне пароль — когда мы были счастливы и не боялись ничего. Шесть цифр: дата нашей первой встречи.

Я ввела их.

Телефон разблокировался.

Я открыла сообщения.

Последний диалог — с контактом «О.»

Без имени. Просто буква.

Желудок сжался так сильно, что меня чуть не вырвало.

Я открыла переписку.

О.: «Ты сегодня был великолепен»

Олег: «Я скучал»

О.: «Я тоже. Приходи завтра. Она будет на репетиции»

Олег: «Во сколько?»

О.: «В два. Я буду в душе»

Она.

Он.

В два.

Я буду в душе.

Мир поплыл перед глазами. Я закрыла диалог, открыла другой. И третий. И четвёртый.

О.: «Мне нравится, как ты пахнешь»

Олег: «Это гель для душа»

О.: «Нет. Это ты. Я хочу вдыхать тебя вечно»

Олег: «Ты сумасшедшая»

О.: «Ты это любишь»

Олег: (без ответа, но через десять минут — фото. Её фото. В белье. Чёрном, кружевном)

Олег: «Я еду»

О.: «Жду»

Я читала.

Я не могла остановиться.

Каждое слово впивалось в меня, как игла. «Ты нежный», «ты грубый», «ты мой», «она не узнает», «это наш секрет», «мне нравится, когда ты целуешь меня там», «я хочу тебя», «я сейчас», «открой дверь, я приехал».

Они встречались.

Они встречались уже три недели.

Они занимались сексом в её квартире. В моей новой квартире, когда меня не было. В машине. В парке.

Она отправляла ему фотографии — откровенные, грязные, те, которые девушка показывает только любовнику.

Он отвечал: «Приеду», «Хочу», «Ты сводишь меня с ума».

Ни одного «Я люблю тебя».

Но это было не важно.

Потому что он говорил это не мне.

Он говорил это ей.

Я не помню, как положила телефон на место.

Не помню, как встала, как вышла из комнаты, как дошла

до ванной.

Помню только, что меня вырвало.

Я стояла на коленях перед унитазом, тряслась, выплёвывала желчь и слёзы, которые текли по лицу, не переставая.

— За что? — шептала я. — За что?

Никто не ответил.

Утром я не вышла к завтраку.

Мама постучала в дверь:

— Настя, ты заболела?

— Да, — ответила я голосом, который не был моим. —

Температура.

— Открыть дверь?

— Не надо. Я посплю.

Она ушла.

Я лежала в кровати, смотрела в потолок и перебирала в голове сообщения, которые прочитала ночью.

«Она не узнает».

«Это наш секрет».

«Я буду в душе».

Оксана.

Моя сводная сестра.

Та, которая называла меня «сестрёнкой» и улыбалась мне в лицо.

Она улыбалась, зная, что трахает моего парня.

Она пила со мной чай, зная, что на её груди — следы от его поцелуев.

Она смотрела мне в глаза, зная, как я люблю его.

И улыбалась.

Я ненавидела её.

Впервые в жизни я почувствовала настоящую, чистую, всепоглощающую ненависть.

Не ревность. Не обиду. Ненависть.

Мне хотелось вцепиться ей в волосы. Разодрать в клочья её идеальное лицо. Кричать, пока не сорву голос.

Но я лежала и молчала.

Потому что ненависть не имела смысла.

Она не вернула бы его.

А он — он был тем, кто обещал любить меня вечно.

Вот кого я должна была ненавидеть.

Но ненависть к нему не помещалась в моём сердце. Там была только боль.

В два часа дня пришёл Олег.

Я слышала его голос в прихожей. Мама сказала, что я болею и сплю. Он не стал заходить.

— Передавайте привет, — сказал он. — Я позвоню вечером.

Он не позвонил.

В семь вечера я вышла из комнаты. Глаза опухли, нос покраснел, и скрыть, что я плакала, было невозможно.

Мама сидела на кухне и сразу всё поняла.

— Настя, что случилось?

— Ничего, — сказала я.

— Ты плакала.

— Мама, пожалуйста, не сейчас.

Она хотела спросить ещё, но в этот момент в дверях появилась Оксана.

— О, ты жива, — пропела она. — А мы волновались.

Она была в коротком платье — на два размера меньше, чем нужно. Свежий маникюр. Свежие волосы. Свежая улыбка.

Такая свежая, будто её только что трахали.

— Жива, — ответила я.

— А где Олег? — она посмотрела за мою спину. — Я слышала, он приезжал.

— Ты его ищешь? — спросила я с вызовом.

Оксана улыбнулась — той самой улыбкой.

— Просто спросила.

— Не ищи. Его нет.

Я отвернулась и пошла в свою комнату.

Она крикнула вдогонку:

— Выздоровливай, сестрёнка!

Я закрыла дверь, села за рояль и положила руки на клавиши.

В этот раз музыка пришла.

Не мелодия — крик.

Диссонансы, резкие аккорды, звуки, которые рвали душу на части.

Я играла, пока не заболели пальцы. Пока не онемели руки.

Пока слёзы не залили клавиши.

Рояль был вместе со мной.

И мне казалось, что он понимает.

Он единственный, кто понимал.

Потому что он видел всё с самого начала — и молчал.

Как и я.

Глава 9. Анастасия.

Последняя партия

Я ждала три дня.

Три дня, в которые я не спала, не ела, не играла. Я просто существовала — тенью, которая бродила по квартире и делала вид, что ничего не случилось.

Мама волновалась. Она спрашивала, что со мной, но я отмалчивалась. Виктор пытался шутить за ужином — я не смеялась. Оксана бросала на меня быстрые, изучающие взгляды — я не смотрела в её сторону.

Я копила.

Каждую обиду, каждую боль, каждую фальшивую ноту, которую он сыграл в нашей партии.

Я записывала их в голове, как ноты перед концертом.

Вот первая ложь: «Я на работе».

Вот вторая: «Ты мне снишься».

Вот третья: «Я люблю тебя».

Все они вели к ней. К той, с кем он просыпался по утрам, пока я верила, что он занят.

Я больше не хотела верить.

Я хотела правды.

Даже если она убьёт меня.

В пятницу вечером я набрала его номер.

Он ответил после третьего гудка — голос усталый, как всегда в последнее время.

— Настя, привет. Что случилось?

— Ничего не случилось, — сказала я. — Встретимся завтра.

— Зав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.